

Актиния А

*Этикет
стихи*

18+

Акстиния А

Этикет стихии

<https://litres.ru/74031911>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элеонора Вэнс знает латынь всех ядовитых растений и ненавидит кринолины. Её оружие — острый язык и веер, которым можно вежливо оскорбить любого маркиза. Всё меняется, когда в наследство ей достается старинная карта с зашифрованным маршрутом через всю Европу — к величайшему ботаническому открытию покойного дяди.

Но в викторианской Англии одинокой леди нельзя путешествовать. И тут на сцену выходит виконт Артур Блэквуд: безупречный дипломат, сноб и убежденный метеоролог. Он уверен, что любое чувство можно объяснить перепадом атмосферного давления, а любовь — всего лишь сбой барометра. Вынужденный сопровождать Нору в роли «официальной дуэньи», Артур получает миссию пострашнее любых переговоров: пережить её сэндвичи с огурцом в чае, латинскую ругань и привычку гулять босиком по пляжу.

Содержание

Пролог. Барометр врет, а кринолин душит	4
Глава 1. Духота и папоротник	7
Глава 2. Падение барометра	11
Глава 3. Визитные карточки и социальное оригами	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

АКСТИНИЯ А

ЭТИКЕТ СТИХИИ

Пролог. Барометр врет, а кринолин душит

(Точка зрения: Элеонора «Нора» Вэнс)

Говорят, лондонский туман создан для того, чтобы скрывать грехи высшего света. На мой взгляд, он просто милосердно маскирует тот факт, что половина аристократии задыхается не от «горохового» смога, а от собственных корсетов и вежливо проглоченных истерик.

Меня зовут Элеонора Вэнс. Но для тех, кто осмеливается переходить границы приличия (а таких я обычно посылаю куда подальше, виртуозно работая раскрытым веером), я просто Нора. Мне двадцать четыре года, я знаю наизусть латинские названия всех ядовитых растений Британских островов и искренне считаю, что кринолин — это не элемент гардероба, а изощренное орудие пытки, гениально замаскированное под моду.

Прямо сейчас в моих руках лежит пожелтевший пергамент. Карта. Не та скучная, вылизанная до стерильности географическая чушь, которую рисуют в министерствах, чтобы

оправдать сбор налогов, а настоящая, живая карта моего покойного дяди. Она пахнет сушеной лавандой, старым кожаным переплетом и, если хорошенько принюхаться, легким, искрящимся оттенком безумия.

Дядя утверждал, что на этом пергаменте отмечено ботаническое открытие века. Что-то, что невозможно классифицировать, невозможно предсказать по изменению атмосферного давления и, уж тем более, невозможно втиснуть в узкие рамки викторианского этикета.

Я провела пальцем по зашифрованному маршруту, уходящему зигзагами куда-то в самое сердце Европы. Моя мать, разумеется, считает, что мое единственное и неоспоримое предназначение — удачно выйти замуж за маркиза с подагрой и безупречным, как скатерть, родословным деревом. Бедная мама даже не подозревает, что я уже тайком упаковала латунный секстант в бархатный саквояж для шляпок, а под юбку спрятала флакончик с экстрактом белладонны (на всякий случай, если маркиз решит проявить излишнюю инициативу).

Правила приличия категорично утверждают, что леди не должна путешествовать одна, да еще и с такими сомнительными целями. Но правила природы шепчут кое-что другое: любой шторм рано или поздно сметает все эти условности, оставляя лишь голую, честную истину.

Я улыбнулась, аккуратно сворачивая карту в тугую трубочку. Пусть барометры падают, а лондонский свет судачит

о моем «неподобающем» поведении.

Я собираюсь вызвать бурю.

Глава 1. Духота и папоротник

(Точка зрения: Элеонора «Нора» Вэнс)

Если бы китовый ус в моем корсете мог говорить, он бы уже давно попросил политического убежища. А возможно, и написал бы мемуары о том, как его ежедневно растягивают до предела ради призрачной талии, которая, по мнению моего портного, должна напоминать песочные часы. Проблема в том, что мои песочные часы застряли где-то между обедом и ужином, а песок в них, судя по всему, заменили на свинец.

— И тогда, дорогая мисс Вэнс, я сказал моему управляющему: «Если подагра не отступает, мы просто заставим ее отступить силой характера!» — провозгласил маркиз Чеддингтон, делая широкий жест рукой, в которой дрожал бокал с теплым хересом.

Я улыбнулась той самой улыбкой, которую оттачивала перед зеркалом три года. Улыбка, означающая: «Я слушаю вас с неподдельным восторгом», хотя на деле мой мозг лихорадочно перебирал латинские названия растений, способных вызвать временную, но очень убедительную потерю речи. *Datura stramonium*, например. Или, на крайний случай, *Atropa belladonna*.

Моя мать, восседавшая в трех ярдах от нас, сверлила меня взглядом, в котором читалось немое, но кристально ясное послание: «Улыбайся шире, Нора, или я лично зашну-

рую твой корсет так, что ты забудешь, как дышать». Маркиз был вдовцом, обладал обширными землями в Йоркшире и хромал на левую ногу с грацией раненого фламинго. Идеальная партия. Идеальная скука. Идеальная катастрофа.

Я взяла в руки свой веер из черного кружева. Викторианский этикет — это зашифрованный язык, и я владела им в совершенстве. Медленно прижала веер к левой щеке. *Перевод: «Я вас ненавижу»*. Затем резко закрыла его, удерживая в правой руке. *Перевод: «Я вами не интересуюсь, ищите другую жертву»*.

— Прошу прощения, милорд, — мой голос прозвучал звонко, перекрывая гул оркестра. — Я вдруг вспомнила, что оставила свою шаль в карете. Вы не будете так любезны позволить мне отлучиться на мгновение?

Не дожидаясь его вялого согласия, я развернулась на каблуках и поплыла сквозь толпу танцующих пар. Мой кринолин, этот архитектурный шедевр из стали и ткани, безжалостно сметал на своем пути два подноса с закусками и чью-то трость, но я не оглядывалась. Свобода пахла не лавандовой пудрой, а сыростью и угарным газом, и я была готова вдыхать этот коктейль полной грудью.

Боковая дверь особняка захлопнулась за моей спиной, отрезая звуки вальса. Я выдохнула, и облачко пара вырвалось из моих губ. Лондон встретил меня своим фирменным «гороховым» туманом — густым, желтоватым и таким плотным, что в нем, казалось, можно было резать ножом. Мок-

рая брусчатка блестела под тусклыми ореолами газовых фонарей, отражая мир, который наконец-то стал размытым и нечетким, как и мои дальнейшие планы.

Я поправила муфту и почувствовала под пальцами прохладную, влажную поверхность. Мой маленький секрет. Завернутый во влажную холщовую ткань, в глубине моей сумочки прятался редчайший экземпляр *Asplenium scolopendrium*— костенца сколопендрового, который я буквально выкрала из закрытой оранжереи Кью-Гарденз earlier today. Ботаники музея до сих пор, наверное, ломают головы, куда делся их самый перспективный саженец. А он ехал со мной на бал, потому что я доверяла ему больше, чем любому лорду в этом прокуренном зале.

Я сделала уверенный шаг вперед, предвкушая долгую прогулку до дома, но лондонская брусчатка решила, что со мной шутить не стоит. Мой каблук предательски скользнул по мокрой, покрытой слизью мостовой.

Время замедлилось. Я сделала нелепое, грациозное только в кино движение руками, пытаюсь восстановить равновесие. Муфта выскользнула из моих пальцев. Ткань развернулась. И мой драгоценный, единственный в своем роде папоротник с изящными, как кружево, листьями совершил короткий, но необратимый полет, с глухим чваканьем приземлившись прямо в лужу, смешанную с конским навозом и городской грязью.

— Нет! — вырвалось у меня, и в этом звуке было боль-

ше искреннего отчаяния, чем во всех моих репликах за весь вечер.

Я рухнула на колени прямо в грязь, совершенно не заботясь о том, что мое шелковое платье цвета слоновой кости теперь навсегда запомнит эту улицу. Я осторожно, дрожащими пальцами подняла растение. Корни были оголены, нежные листья покрыты черной жижей.

В этот момент, сидя на холодной мостовой в окружении клубов тумана, я вдруг рассмеялась. Звук получился странным, немного истеричным, но чертовски освобождающим. Мать будет в ярости. Маркиз будет сбит с толку. Мое платье испорчено. А папоротник, возможно, не выживет.

Но зато я была здесь. Не в душной гостиной, не под прицелом оценивающих взглядов, а здесь, в самом центре стигии, с грязными коленями и сердцем, которое колотилось с частотой, достойной регистрации в метеорологической сводке как локальный ураган.

Я аккуратно завернула папоротник обратно в ткань, прижала его к груди и поднялась. Туман сгустился, скрывая мои следы. Завтра я найду способ его спасти. А сегодня я просто шла домой, оставляя позади мир, который так и не понял, что самое ценное в нем растет не на клумбах, а вопреки всем правилам.

Глава 2. Падение барометра

(Точка зрения: Артур Пендлтон, виконт Блэквуд)

Латунная дверь клуба «Диоген» захлопнулась за моей спиной с глухим, удовлетворенным звуком, отрезая меня от запаха дорогого табака и бесконечных разговоров о политике. Я сделал глубокий вдох. Лондонский туман ударил в легкие привычной смесью угля, сырой шерсти и отчаяния. Идеальная погода для меланхолии.

Я сунул руку в карман пальто и достал свой карманный барометр. Циферблат, защищенный толстым стеклом, неумолимо свидетельствовал: 742 миллиметра ртутного столба. Стрелка дрожала, ползя вниз. Атмосферное давление падало. Это означало лишь одно: грядет шторм. Я всегда находил утешение в этой предсказуемости природы. Люди, в отличие от циклонов, редко следуют законам физики, предпочитая руководствоваться своими иррациональными, плохо прогнозируемыми капризами.

Я уже мысленно прикидывал маршрут до дома, представляя, как камин в моем кабинете поглотит эту сырость, как вдруг мой слух уловил нечто, выбивающееся из ритма ночного города.

Это был не плач. Плач я бы распознал мгновенно — это низкочастотное всхлипывание, обычно сопровождающее потерю веера или разбитое сердце. Нет, это был звук ярост-

ного, почти боевого шипения, за которым последовало глухое чваканье.

Я свернул за угол газовой лампы. И мое безупречное викторианское воспитание дало трещину.

Прямо посреди улицы, на коленях в луже, которая по своей консистенции напоминала густой шоколадный пудинг, сидела женщина. Вернее, то, что когда-то было женщиной в платье цвета слоновой кости. Теперь это платье безжалостно впитывало в себя лондонскую грязь, конский навоз и, вероятно, грехи всего района.

Мой долг как джентльмена был кристально ясен: подойти, предложить руку, помочь подняться, сохранить достоинство дамы и сделать вид, что я не заметил этой катастрофы. Я сделал три уверенных шага, уже доставая из кармана безупречно белый носовой платок.

Но затем я увидел, *что* она спасает.

Это был не оброненный перчатка, не упавшая брошь и не потерянная туфелька. Она прижимала к груди, словно младенца, какой-то жалкий, покрытый черной жижей комок зелени.

— Тихе, тихе, мой хороший, — бормотала она, и в ее голосе звучала такая искренняя нежность, что я на секунду забыл, как дышать. — Мы не позволим этим бездушным экипажам тебя растоптать. Ты переживешь эту ночь.

Она подняла голову. Газовый свет выхватил из тумана ее лицо. Никаких слез. Глаза горели зеленым, почти хищным

огнем, а на щеке красовалось жирное пятно грязи. Она выглядела не как жертва обстоятельств, а как полководец, только что проигравший тактически важную, но стратегически бессмысленную битву.

— Миледи, — мой голос прозвучал чуть более хрипло, чем я планировал. Я откашлялся, возвращая себе дипломатическую непроницаемость. — Позвольте помочь вам. Это... неподобающее место для... для созерцания флоры.

Она медленно перевела на меня взгляд. В ее глазах мелькнуло что-то среднее между раздражением и весельем.

— Если вы собираетесь прочитать мне лекцию о приличиях, милорд, — сказала она, и ее голос был на удивление чистым и звонким, несмотря на холод, — то сделайте это позже. А сейчас, если вы такой же знаток этикета, каким кажетесь, вы должны знать, что джентльмен сначала помогает даме встать, а уже потом осуждает ее выбор компании. А моя компания, смею заметить, гораздо приятнее большинства лондонских лордов.

Она кивнула на свой грязный комок.

Я замер. Мой мозг, привыкший классифицировать мир по четким категориям, дал сбой. Она была грязной. Она была дерзкой. Она разговаривала с растением. И, что самое ужасное, она была чертовски хороша собой, даже с этим пятном на щеке, которое каким-то несправедливым образом лишь подчеркивало белизну ее кожи.

Я протянул руку. Не ту, что с платком, а другую.

— В таком случае, миледи, — произнес я, стараясь, чтобы в моем тоне не звучало восхищения, которое предательски шевелилось где-то под крахмальным воротничком, — позвольте мне стать вашим временным союзником в этой битве с лондонской мостовой.

Она посмотрела на мою руку, затем на мое лицо, и в ее глазах вспыхнула искра вызова. Она вложила свою ладонь в мою. Ее пальцы были ледяными, но ее хватка была на удивление крепкой.

В этот момент я почувствовал, как в кармане моего пальто что-то тихонько щелкнуло. Я не стал доставать барометр, чтобы проверить. Я и так знал: стрелка пробила дно.

В моей идеально выверенной жизни только что зародился циклон. И, судя по всему, прогнозы были неутешительными.

Глава 3. Визитные карточки и социальное оригами

(Точка зрения: Элеонора «Нора» Вэнс)

Утро в моем кабинете пахло чернилами, сушеной мятой и легким, едва уловимым ароматом вчерашнего позора.

Солнце, лениво пробиваясь сквозь лондонский смог, окрашивало комнату в цвет слабо заваренного чая с молоком. Пылинки танцевали в этом мутном луче, словно празднуя тот факт, что я все еще жива и не была выдана замуж за маркиза с подагрой. Я сидела за своим массивным дубовым столом, заваленным картами, лупами и баночками с гербарными образцами. Мои пальцы, как обычно, были испачканы чернилами, а прическа, которую горничная с таким трудом возводила вчера вечером, теперь напоминала гнездо рассерженной вороны. И меня это чертовски устраивало.

— Ваше утреннее почтение, мисс Элеонора, — провозгласил Джервис, мой дворецкий. Человек с осанкой швейцарской гвардейца и лицом, которое, казалось, было отлито из бронзы и легкого презрения к миру.

На серебряном подносе, помимо счетов от мясника и приглашения на скучнейший благотворительный чай, лежал одинокий прямоугольник плотной кремовой бумаги.

Я взяла его двумя пальцами, как будто это мог быть зара-

женный чумой документ.

Артур Пендлтон, виконт Блэквуд.

Шрифт был безупречным, каллиграфическим, с изящными завитками, которые кричали о деньгах, потраченных на лучшего гравировщика в Лондоне. Но мое внимание приковало не имя, а деталь, от которой мой внутренний ботаник захотел немедленно классифицировать этого человека как «опасный сорняк».

Левый верхний угол визитной карточки был аккуратно, почти хирургически загнут.

Я фыркнула, откидываясь на спинку кресла. Ах, этот великолепный, абсурдный язык викторианского социального оригами! Загнутый левый угол означал: *«Я имел честь нанести вам визит, но, увы, вас не оказалось дома»*.

Оказалось дома? Я вспомнила вчерашний вечер. Я вспомнила, как он стоял надо мной на той проклятой брусчатке. Высокий, широкоплечий, в безупречном пальто из тончайшей шерсти, которое, казалось, отталкивало грязь силой одной лишь аристократической ауры. Его лицо было выточено с такой безупречной симметрией, что, казалось, сам Микеланджело вздохнул бы с облегчением, увидев его, наконец-то закончив свою работу. Но больше всего меня впечатлили его глаза. Цвета грозового неба за секунду до ливня: серые, пронзительные, с легкой, едва уловимой искрой насмешки. Он не смотрел на мое испорченное платье с жалостью. Нет, он смотрел на меня так, будто я была редким, непредсказуе-

мым явлением природы, которое он только что обнаружил в своем скучном, размеренном мире. И от этого воспоминания по моей спине пробежал предательский, теплый мурашек.

— Мисс Вэнс? — голос Джервиса вернул меня в реальность. — Следует ли мне передать виконту, что вы были рады его визиту?

— О, я была в полном восторге, Джервис, — промурлыкала я, поднимаясь из-за стола. — Настолько, что хочу ответить ему взаимностью.

Я подошла к своему письменному прибору и достала стопку собственных визитных карточек. Они были проще, без золотого тиснения, но с моим именем, напечатанным четким, уверенным шрифтом. Я взяла верхнюю карточку.

Если левый угол означал «вас не было», то правый загнутый угол имел совершенно иное, восхитительно дерзкое значение: «*Я вас игнорирую*». А если загнуть оба верхних угла, это означало прощание навсегда.

Я медленно, с наслаждением наблюдая, как плотная бумага поддается давлению, загнула правый верхний угол своей карточки. Затем, подумав секунду, я загнула и левый.

«*Я вас игнорирую, и, пожалуйста, больше никогда не приходите*».

Идеально.

— Джервис, — я протянула ему испорченную карточку. — Отнесите это в резиденцию лорда Блэквуда. И убедитесь, что курьер передаст её лично в руки.

Джервис бросил на карточку взгляд, в котором читалось немое, но кристально ясное осуждение. Его бровь дрогнула ровно на миллиметр — максимальная степень эмоционального взрыва, на которую он был способен.

— Слушаю-с, мисс, — произнес он ледяным тоном. — Смею ли я предположить, что это... особый дипломатический ответ?

— Назовем это ботанической классификацией, Джервис, — я улыбнулась, чувствуя, как адреналин приятно покалывает кончики пальцев. — Я просто обозначаю среду обитания, в которой этому виду растений не место.

Когда дверь кабинета закрылась, я осталась одна. Тишина комнаты вдруг показалась мне слишком громкой. Я подошла к окну и прижала лоб к прохладному стеклу. Внизу, на улице, жизнь текла своим чередом: кэбы стучали колесами, торговцы выкрикивали цены на уголь, а туман медленно полз по мостовой, словно живое существо.

Я должна была злиться. Я должна была возмущаться его наглостью, его безупречностью, тем, как он заставил мое сердце забиться в ритме, не описанном ни в одном медицинском справочнике. Но вместо этого я чувствовала лишь одно: предвкушение.

Ви

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.